

**НЕНОМИНАТИВНОСТЬ И ИЕРАРХИЯ
ОДУШЕВЛЕННОСТИ В ЛАТИНСКОМ ЯЗЫКЕ:
К ВОПРОСУ О КУМУЛЯТИВНОСТИ
СИНТАКСИЧЕСКИХ СТРУКТУР**

Поиск свидетельств о неноминативном праиндоевропейском прошлом в языках-потомках — одна из фундаментальных проблем индоевропейского языкознания. Эта традиция восходит к замечанию Х. К. Уленбека об эргативном характере падежа на *-es* в праиндоевропейском¹. Т. В. Гамкрелидзе и В. В. Иванов², развивая идеи Г. А. Климова³ о предшествовании активно-стативной стратегии маркировки ролей эргативной и номинативной, выдвинули гипотезу об активном характере праиндоевропейского языка на ранних стадиях его развития. Именно эта идея авторов фундаментальной двухтомной монографии была признана наиболее принципиальной известным индоевропеистом В. Леманом⁴. Еще ранее И. М. Тронский приводил некоторые факты из латыни и греческого, которые свидетельствуют о наличии в этих языках элементов неноминативности⁵. Б. Бауэр о поиске элементов неноминативности в индоевропейских языках написала книгу⁶. В значительной степени упоминаемые идеи опираются на предложенную еще А. Мейе⁷

¹ *Uhlenbeck C. C.* Agens und Patiens im Kasussystem der indogermanischen Sprachen // *Indogermanische Forschungen*. 1901. Bd 12. S. 170–171.

² *Гамкрелидзе Т. В., Иванов В. В.* Индоевропейский язык и индоевропейцы. Тбилиси, 1984. С. 267–319.

³ *Климов Г. А.* 1) Типология языков активного строя. М., 1977; 2) Принципы континентальной типологии. М., 1983.

⁴ *Lehmann W. P.* Impersonal Verbs as Relics of a Subclass in Pre-Indo-European // Историческая лингвистика и типология / Под ред. Г. А. Климова. М., 1991. С. 33–38

⁵ *Тронский И. М.* О дономинативном прошлом индоевропейских языков // Эргативная конструкция предложения в языках различных типов. Л., 1967. С. 91–94.

⁶ *Bauer B.* Archaic Syntax in Indo-European. Berlin; New York, 2000. В данном исследовании представлена также развернутая библиография работ по следам неноминативности в индоевропейских языках.

⁷ *Мейе А.* Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков. М., 2002.

©Е. В. Желтова, А. Ю. Желтов, 2007

реконструкцию бинарной системы именной классификации в языке: «общий», или «одушевленный», род (или класс) и «средний», или «неодушевленный», род при более позднем разделении первого на «мужской» и «женский». Подобное противопоставление «одушевленного» (активного) и «неодушевленного» (пассивного) классов действительно коррелирует с предлагаемым Г. А. Климовым делением имен на два подобных класса как одной из главных импликаций активного (или активно-стативного) типа языков. Таким образом, проблема ролевого маркирования оказывается тесно связанной с проблемой именной классификации.

Тем не менее, несмотря на достаточную разработанность названной проблематики и внимание к ней многих ведущих специалистов в области индоевропеистики, можно заметить, что следы неноминативности (или активности) в индоевропейских языках несут характер набора некоторых импликаций, косвенно свидетельствующих об элементах неноминативности, но не складывающихся в более или менее стройную систему доказательств, что, в принципе, отмечается и в упомянутых работах И. М. Тронского и Б. Бауэр. Если попытаться суммировать свидетельства отклонения от номинативной стратегии маркировки ролей, то можно отметить следующие моменты: общеиндоевропейское отсутствие различения номинатива и аккузатива у имен неактивного (среднего) рода при различении названных падежных флексий у имен активного рода⁸, употребление аккузатива в роли субъекта состояния в латинских и греческих формах восклицания и конструкциях *Accusativus cum infinitivo*⁹, употребление аккузатива у имен среднего рода в функциях, для которых у имен мужского и женского рода требуются другие падежи¹⁰, наличие безличных и абсолютных конструкций, а также конструкций с *dativus auctoris* и *dativus possessivus*¹¹.

Однако эти факты, хотя и показывают наличие несомненных осложнений по сравнению с классической номинативной страте-

⁸Тронский И. М. О дономинативном прошлом индоевропейских языков; Гамкрелидзе Т. В., Иванов В. В. Индоевропейский язык и индоевропейцы.

⁹Тронский И. М. О дономинативном прошлом индоевропейских языков. С. 93–94.

¹⁰Там же. С. 92: автор статьи приводит пример с латинским глаголом *gaudeo* ‘радоваться чему-либо’, который управляет аблативом имен несреднего рода (*gaudeo aliqua re*), но требует аккузатива имен среднего рода (*id gaudeo* — я радуюсь этому).

¹¹*Bauer B. Archaic Syntax...*

гией, не укладываются и в другие известные типы: эргативный и активный. Ни один из упомянутых фактов не выступают прямым выражением ни одной из выделяемых в типологии стратегий: в *аккузативных (номинативных)* языках субъект любого глагола передается одинаково, а объект — отличным способом; в *эргативных* языках субъект непереходного глагола выражается так же, как объект переходного, а субъект переходного глагола — другим способом; в языках *активно-стативного* строя субъект активного непереходного глагола («бежать») употребляется так же, как субъект переходного глагола, а субъект стативного непереходного глагола («быть белым») — так же, как объект переходного глагола. Очевидно, что к подобным стратегиям не могут быть напрямую сведены ни упомянутые выше явления, ни какие-либо другие синтаксические структуры известных индоевропейских языков (за исключением так называемой расщепленной эргативности (split ergativity) в системе прошедших времен индоиранских языков, для которых данный феномен признан инновационным).

Кроме того, попытка связать с активным строем факты индоевропейских языков сталкивается с типологической проблемой. Для существующих языков с маркировкой ролей активно-стативного типа абсолютно не характерно использование зависимостного маркирования — падежей. Ни в одном из языков активного типа, упомянутых в самой развернутой типологической базе данных (WALS), не зафиксирована падежная маркировка ролей — данная стратегия предпочитает их выражение с помощью глагольной индексации.

В различных типологических классификациях наличие «чистых» типов представляется проблематичным. Так, в самой распространенной морфологической типологии чаще можно говорить о доминирующем типе при наличии в конкретном языке элементов других типов: во флективном русском можно заметить как элементы агглютинации, так и аналитизма; известно, что в «контентивной», или «ролевой», типологии эргативная и активная стратегии обычно не единственно возможные в том или ином конкретном языке. Обычно распространены так называемые расщепленные (split) системы. При этом данная «расщепленность» или место локализации «расщепления» может определяться различными факторами: характером именной группы, употребляемой в той или иной роли, типом предиката и его видовременными форма-

ми и т. д.¹² Однако, как показал А. Е. Кибрик¹³, проблема оказывается еще более сложной: поверхностные синтаксические структуры зависят не только от одного измерения (семантические роли), но и от двух других: прагматические характеристики (топик, фокус, референциальность) и дейктические характеристики (локутор/нелокутор, или участник речевого акта/неучастник речевого акта). Таким образом, в синтаксисе языка могут проявляться не только характеристики различного типа выражения ролей, но и характеристики двух других измерений — прагматического и дейктического. Для языка может быть значимо только одно измерение, которое окажется наиболее важным ролевым измерением¹⁴, и тогда мы имеем дело с семантически аккумулятивным, эргативным или активным языком. Если в языке «работают» два или три измерения, но способы их маркировки независимы друг от друга, то мы имеем дело с «сепаратистскими» (separatist) или «агглютинативно-смешанными» языками, где независимо существуют семантическая аккумулятивность/эргативность/активность и формальные средства выражения прагматического и/или дейктического измерения. Таким образом, наличие во всех языках местоимений 1-го и 2-го лица (морфологический способ маркировки участников речевого акта) и проблематичность безролевых языков делают независимый способ маркировки ролей и участников речевого акта минимально необходимым для функционирования языковой системы. Другой и, по-видимому, более распространенный способ взаимодействия этих трех измерений — их кумулятивное выражение, характерное для «флективно-смешанных» языков, где маркировка ролей кумулятивно связана с маркировкой прагматических и/или дейктических характеристик. Собственно, подобная кумулятивность и переводит семантические отношения в синтаксические, а синтаксические маркировки перестают быть чисто семантическими. Так, русский и английский языки характеризуются А. Е. Кибриком как синтаксически аккумулятивные, при том что степень влияния се-

¹²См. подробнее: Dixon R. M. W. Ergativity. Cambridge, 1994.

¹³Кибрик А. Е. О неуниверсальности синтаксического членения предложения // Знак: Сб. статей по лингвистике, семиотике и поэтике. М., 1994. С. 27–40; Kibrik A. E. Beyond Subject and Object: Toward a Comprehensive Relational Typology // Linguistic Typology. 1997. Vol. 1. P. 279–346.

¹⁴Возможность существования языков без ролевого измерения требует дополнительного изучения и представляется маловероятной.

мантического фактора в русском более значима, чем в английском.

О влиянии на тип маркировки семантических ролей различных факторов пишет и М. Сильверстейн¹⁵. В самом общем виде его идеи состоят в том, что актанты того или иного предложения (имена и личные местоимения) могут быть представлены в виде иерархии, часто называемой иерархией одушевленности (*animacy hierarchy*):

Местоимения 1-го / 2-го лица — локуторы, участники речевого акта,
местоимения 3-го лица,
термины родства, имена собственные,
люди — категория «личность»,
животные,
предметы.

Очевидно, что критерии распределения элементов в этой иерархии различны. Локуторы выделяются как дейктические местоимения, называющие участников речевого акта. Местоимения 3-го лица, родственники и имена собственные определяются более высокой степенью ингерентной референциальности (т. е. отнесенности к определенному, известному объекту), чем обозначения людей. Продолжение иерархии относится к области классификации денотатов имен с точки зрения их способности к сочетанию с различными предикатами: все имена могут находиться в каком-то состоянии, животные способны к самостоятельному передвижению, а люди еще и к выражению эмоций, мыслительным и речевым актам. Могут влиять на место в иерархии и такие категории, как число и «почетность, высокий статус». Таким образом, данная иерархия может быть представлена в виде нескольких отдельных подсистем, как, в работе Мицуми Ямамото¹⁶. В принципе, гетерогенность иерархии одушевленности может создавать конфликтные точки, а именно — что выше в этой иерархической лестнице: более референциальное, чем имена, местоимение 3-го лица (даже в случае неодушевленности), или более одушевленные имена для обозначения людей и т. д.?

Как показал М. Сильверстейн на примере ряда австралийских языков, место в данной иерархии может активно взаимодейство-

¹⁵ *Silverstein M. Hierarchy of Features and Ergativity // Grammatical Categories in Australian Languages / Ed. R. M. W. Dixon. Canberra; New Jersey, 1976. P. 112–171.*

¹⁶ *Yamamoto M. Animacy and Reference. Amsterdam; Philadelphia, 1999.*

вать с различиями в маркировке ролей: чем выше элемент в иерархии, тем он более прототипически агентивен, и, следовательно, не нуждается в дополнительной маркировке агенса и не требует специального эргативного падежа. Роль же пациенса для таких именных групп нетипична, и, следовательно, она требует маркировки — аккузатива. Для нижних этажей иерархии, наоборот, роль пациенса — прототипическая и не требует дополнительной маркировки — аккузатива, а роль агенса нетипична и требует появления специальной — эргативной — маркировки. Подобная ситуация приводит к одному из вариантов «расщепленной эргативности». Одни и те же семантические роли могут выражаться разными падежами для разных элементов иерархии. Ролевое измерение языка взаимодействует с дейктическим и создает расщепленную, с точки зрения обычных «контенсивных» типов, поверхностную синтаксическую структуру. В конкретном языке обычно наблюдается бинарное противопоставление более высоких уровней иерархии менее высоким. При этом граница может проходить на разных уровнях: локуторы могут противопоставляться всем остальным, одушевленным — всем остальным и т. д. Универсальность данной иерархии проявляется в том, что направление от предметов к локуторам выдерживается, а значимая граница и способы разрешения конфликтных ситуаций индивидуальны для конкретных языков.

Можно констатировать, что попытки системно рассмотреть проявления неноминативности без привлечения всех трех предлагаемых А. Е. Кибриком измерений обречены на неудачу. При этом целесообразно расширить дейктическое (по Кибрику) измерение с помощью продолжения противопоставления участников речевого акта всем остальным именным группам за счет их более дробного деления в соответствии с иерархией одушевленности. Поскольку, таким образом, используются не только дейктические характеристики, но и статус агентивности денотатов имен, можно назвать данное измерение дейктико-денотативным.

Далее мы попытаемся рассмотреть упомянутые выше явления, а также некоторые другие в контексте взаимодействия трех указанных измерений на материале латинского языка. Речь пойдет о случаях, когда одни и те же семантические роли выражаются различными формальными средствами, что означает взаимодействие семантического измерения с дейктическим и, следовательно, кумулятивный (дейктическо-ролевой) тип маркировки.

1. *Ablativus auctoris / instrumenti* для одушевленных и неодушевленных имен в функции агенса в пассивных конструкциях. Если в русском языке для фраз типа «Поле обрабатывается крестьянином» и «Поле обрабатывается плугом» маркировка одушевленного и неодушевленного агенса в подобных конструкциях одинаково осуществляется при помощи творительного падежа, то в латыни для данных конструкций используются различные падежи. В первом случае используется *Ablativus auctoris* с предлогом *a/ab* (*Ager ab agricola colitur*), а во втором — *Ablativus instrumenti* без предлога (*Ager aratro colitur*). Очевидно, что в маркировке ролей учитывается иерархия одушевленности, причем граница проходит скорее не по признаку люди / не люди, а по признаку активные / неактивные имена. При этом в категорию активных имен попадают люди, животные¹⁷ и даже некоторые стихии и свойства (*natura, sol, luna, virtus* и подобные)¹⁸: *Non semper viator a latrone, nonnumquam etiam latro a viatore occiditur* (Cic. Mil. 21, 55) ‘Не всегда путник убивается разбойником, иногда и разбойник путником’; *Supergamur a bestiis* (Cic. Fin. 2, 111) ‘Мы побеждаемы животными’; *Ab his virtutibus tot vitia superari...* (Cic. Cat. 2, 25) ‘Такими доблестями столько пороков преодолевается’.

Похожая ситуация наблюдается в английском языке: имена с активной семантикой (не только люди и животные, но и активные части тела типа «рука», природные явления типа «море») требуют в роли агенса пассивных конструкций предлога *by*, в то время как названия орудий труда или названия веществ или масс (типа «снег») требуют предлога *with*. Ср.: *It was made by hand*, *The island is washed by the sea*, но *The bread was cut with a knife*, *The ground is covered with snow*.

Нечто подобное происходит с использованием *Ablativus separationis*. Для имен, обозначающих людей, используется форма с предлогом *a/ab* (*Hunc ego a Caesare liberavi* (Cic. Fam. 13, 52) ‘Его я освободил от Цезаря’; *Homo sum; humani nil a me alienum puto* (Ter. Heaut. 77) ‘Я человек; ничто человеческое, думаю, мне не чуждо’), а для вещей употребление этого предлога факультативно, а также возможно употребление других предлогов — *de* и *e/ex* (*Vacare culpa*

¹⁷Кроме случаев использования их в качестве транспортного средства, т. е. в инструментальной или даже локативной функции. Так, ехать верхом (*букв. «везтись»*) на лошади — *vehi equo*.

¹⁸*Ernout A., Thomas F. Syntax Latine: 2-eme ed. Paris, 1953. P. 207–208.*

magnum est solacium (Cic. Fam. 7, 3, 4) ‘Быть свободным от вины — великое утешение’; Atticus biduum **cibo** se abstinuisset (Nep. 25, 22) ‘Аттик два дня воздерживался от пищи’.

Противопоставляются личные и неличные формы инструменталиса и в активных конструкциях: для обозначения людей требуется употребление предлога *per* с аккумулятивом, а для других имен используется та же форма Ablativus instrumenti, что и при пассиве¹⁹. Ср.: **Per exploratores** Caesar certior factus est (Caes. B.G. 1, 12, 2) ‘Цезарь получил известие через разведчиков’ и **Cornibus tauri, apri dentibus, morsu** leones se tutantur (Cic. N.D. 2, 127) ‘Быки защищаются рогами, кабаны — зубами, львы — кусанием’.

Интересно, что формы для обозначения людей в данных конструкциях всегда более сложные формально, чем противопоставленные им. Это согласуется с идеями М. Сильверстейна. Вынесение имен, обозначающих людей, в роль косвенного дополнения, т. е. выведение их из топикализованной позиции, не свойственно для данных именных групп и поэтому требует дополнительной формальной маркировки данных нетипичных ролей. Для имен с другой семантикой такое нетопикализованное употребление нормальное, поэтому их формальная маркировка не требует дополнительных средств.

2. *Распределение функций датива и иерархия одушевленности.* Значимость иерархии одушевленности проявляется и в распределении функций датива. Причем в этом случае выделяется три уровня: участники речевого акта (локуторы), люди и все остальные имена. В функции Dativus auctoris употребляются только имена и местоимения с референтами, маркированными признаком «личность»: **Mihi** captum consilium iam diu est (Cic. Fam. 5, 19, 2) ‘Мною решение уже давно принято’; Nox una **Hannibali** sine equitibus atque impedimentis acta est (Liv. 21, 34, 9) ‘Одна ночь была проведена Ганнибалом без всадников и обоза’. Для функции Dativus ethicus ограничения еще более жесткие: только местоимения — локуторы: Quid **mihi** Celsus agit? (Hor. Epist. 1, 3, 15) ‘Что поделявает у меня Цельс?’; Quid agis, Micio? Cur perdis adulescentem **nobis?** (Ter. Ad. 60) ‘Что ты делаешь, Микион? Зачем ты нам губишь юношу?’

¹⁹ *Соболевский С. И.* Грамматика латинского языка. Теоретическая часть: Морфология и Синтаксис. СПб., 1998. С. 147.

3. *Одушевленность и маркировка номинатива/аккузатива.*

Достаточно прозрачная зависимость маркировки ролей от иерархии одушевленности проявляется в отсутствии специализированной маркировки для аккузатива у имен среднего рода в латыни (как и в других индоевропейских языках с падежной системой). Слова среднего рода (по определению неодушевленные) не требуют специализированного маркера аккузатива (т. е. форма аккузатива совпадает с формой номинатива), так как функция пациенса для них типична. Для одушевленных имен функция пациенса нетипична, следовательно, для их употребления в данной роли требуется специализированная, отличная от номинатива, падежная маркировка.

Менее очевидна, но не менее интересна корреляция между распределением имен мужского и женского рода по склонениям и выбором из двух форм номинатива: \emptyset /-s. В IV и V склонения не попадают одушевленные имена мужского и женского рода (за редким исключением типа *sogrus, us, f* — свекровь), и для всех имен мужского и женского рода этих склонений требуется «маркированная» форма сигматического номинатива. II и III склонения включают в себя как одушевленные, так и неодушевленные имена мужского и женского рода (II склонение — преимущественного мужского). При этом в данных склонениях возможны обе формы номинатива (сигматический и нулевой). В I склонение попадают и одушевленные, и неодушевленные имена женского рода, но только одушевленные имена мужского рода²⁰. При этом для номинатива используется исключительно немаркированный нулевой вариант. Таким образом «наиболее одушевленное» I склонение имеет тенденцию не маркировать именной падеж, так как для одушевленных имен данная функция прототипическая, нейтральные к одушевленности II и III склонения демонстрируют свободное варьирование двух форм номинатива, а «неодушевленные» IV и V склонения всегда имеют маркированный (сигматический) номинатив, так как для неодушевленных имен данная функция нестандартная. Интересно, что у «менее одушевленных» III, IV и V склонений проявляется и другая синтаксическая особенность неодушевленных имен: во множественном числе у существительных данных склонений отсутствует спе-

²⁰Названия рек (*Sequana* и др.) представляют единственное исключение и не влияют на общую картину.

циализированная форма аккузатива²¹, так как для неодушевленных имен именно функции пациенса типичны. Тем самым подтверждается идея М. Сильверстейна: более одушевленные имена стремятся к более маркированной форме аккузатива, а менее одушевленные — к более маркированной форме номинатива. Кроме того, возможно, данные процессы в какой-то степени позволяют выявить некоторую семантическую нагруженность склонений, традиционно воспринимающихся как исключительно формальные классы имен.

4. *Иерархия одушевленности и контроль согласования при ассоциативной конструкции в роли субъекта.* Помимо особенностей в маркировке падежей иерархия одушевленности влияет и на синтаксические процессы. Например, от места элемента на данной шкале зависит контроль согласования при ассоциативной конструкции в роли субъекта. В случае ассоциативного субъекта (типа «я и ты», «брат и сестра» и т.д.) выбор согласования осуществляется по элементу конструкции, находящемуся на более высоких уровнях иерархии одушевленности²²: 1-е лицо имеет преференцию при контроле согласования над 2-м лицом (говорящий над адресатом), 1-е и 2-е лицо над 3-м (локутор над нелокутором), а мужской род над женским (при одушевленных именах). Примеры хорошо известны²³: Si tu et Tullia **valetis**, ego et Cicero **valemus** (Cic. Fam. 14, 5) ‘Если ты и Туллия здравствуете, то я и Цицерон здравствуем’; Naepe ego, neque tu **fecimus** (Ter. Ad. 103) ‘Этого ни я, ни ты не делали’ (1-е лицо мн. числа); **Errastis** et tu, et nonnulli collegae tui (Cic. Rull. 1, 7) ‘Ошиблись (2-е лицо мн. числа) и ты, и некоторые твои товарищи’; Pater et mater **perfecti** sunt. ‘Отец и мать уехали’ (причастие в форме им. пад. мн. числа мужского рода); **Meruimus** et ego et pater de vobis et republica (Plaut. Amph. 39) ‘И я, и отец заслужили (1-е лицо мн. числа) от государства’. Пример интересен тем, что оба субъекта занимают высокое положение в иерархии одушевленности, но локутор (я) все же превалирует над тер-

²¹Наличие факультативного окончания Acc. Plur. III склонения -is (не совпадающего с окончанием Nom. Plur -es) можно считать свидетельством того, что III склонение занимает промежуточное положение между наиболее и наименее «одушевленными» склонениями.

²²Следует уточнить, что возможен вариант согласования и по ближайшему к глаголу элементу, т.е. формально, а не семантически, мотивированный.

²³См.: *Соболевский С.И.* Грамматика латинского языка. С. 126–127; *Дуров В.С.* Основы стилистики латинского языка. М.; СПб., 2004. С. 70.

мином родства (отец). *Experti in vicem sumus ego et fortuna* (Тас. *Hist.* 2, 47, 4) ‘Мы с судьбой испытывали (1-е лицо мн. числа) друг друга’.

Если преференция локуторов над нелокуторами достаточно широко распространена, то преференция 1-го лица над 2-м проявляется значительно реже. Особый интерес вызывает преференция имен мужского пола над женским, поскольку нам неизвестны упоминания об иерархичности противопоставления мужской / женский и более высоком положении имен мужского пола в иерархии одушевленности. Нейтральность мужского рода в словах типа «врач» не создает иерархичности.

Видимо, заслуживают внимания с точки зрения отклонения от стандартной номинативной стратегии маркировки ролей и некоторые другие явления латинского языка: например, согласование глагола с именным предикативом, а не с субъектом, конструкции с двумя аккумулятивами и т. д.

Summary

This article offers an original interpretation of the phenomena which can be treated as the elements of non-accusativity in Latin. Case marking can be influenced by not only semantic role, but also by the so called «animacy hierarchy» or deictic dimension. Some non-standard case markings in Latin can be explained via cumulative character of interrelations between role and deictic dimensions. The influence of «animacy hierarchy» in Latin is demonstrated by the analysis of Ablativus auctoris / instrumenti and Ablativus separationis constructions, distribution of Dative case functions, interrelations between declension, gender and animacy and control of agreement in associative constructions.